

ПРАВА
LAW

УДК 342
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-1-102-108>

Поступила в редакцию 16.10.2020
Received 16.10.2020

И. В. Шахновская

Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Беларусь

**ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с установлением общих положений о конституционно-правовой ответственности социальных общностей в условиях процессов цифровизации. Делается акцент на особых социальных общностях – электронных объединениях, выделении особенностей их правового статуса. В рамках рассмотрения вопроса о конституционно-правовой ответственности проводятся разграничения в порядке ее наступления в зависимости от формы образования (создания) социальных общностей как субъектов конституционно-правовых отношений. Особое внимание уделяется изменениям, происходящим в конституционно-правовой сфере в период развития информационных технологий, а также их влиянию на субъектный состав правовых отношений.

Ключевые слова: цифровизация, конституционно-правовая ответственность, конституционно-правовые отношения, социальные общности, электронные объединения

Для цитирования: Шахновская, И. В. Общие положения о конституционно-правовой ответственности социальных общностей в условиях цифровизации / И. В. Шахновская // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2021. – Т. 66, № 1. – С. 102–108. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-1-102-108>

Irina V. Shakhnouskaya

Polotsk State University, Novopolotsk, Belarus

**GENERAL PROVISIONS ON THE CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY
OF SOCIAL COMMUNITIES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION**

Abstract. The article discusses issues related to the establishment of general provisions on the constitutional and legal responsibility of social communities in the context of digitalization processes. Emphasis is placed on special social communities – electronic associations, highlighting the features of their legal status. Within the framework of considering the issue of constitutional and legal responsibility, distinctions are made in the order of its occurrence, depending on the order of formation (creation) of social communities as subjects of constitutional and legal relations. Particular attention is paid to the changes taking place in the constitutional and legal sphere during the development of information technologies, their impact on the change in the subject composition of legal relations.

Keywords: digitalization, constitutional and legal responsibility, constitutional and legal relations, social communities, electronic associations

For citation: Shakhnouskaya I. V. General provisions on the constitutional legal responsibility of social communities in the conditions of digitalization. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 1, pp. 102–108 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-1-102-108>

Введение. Динамика развития общественных отношений, конституционного законодательства способствует как возникновению новых и малоисследованных субъектов (к примеру, социальных общностей), так и с модификацией сущности имевших место ранее субъектов права. Создание новой сферы правовых отношений (в сфере киберпространства, правоотношений в сфере цифровой реальности) влечет за собой изменение субъектного состава.

Основная часть. В сфере конституционно-правового регулирования имеются различные научные подходы относительно признания (непризнания) новых участников правовых отношений

в качестве субъектов. К примеру, С. А. Авакьян отмечает, что вопрос о возможности признания в качестве субъектов конституционно-правовых отношений различных организационных форм коллективного выражения гражданами своих интересов не получил должного теоретического разрешения [1, с. 49]. При этом автор в качестве такого рода иных форм рассматривает собрания граждан, митинги, демонстрации, шествия, пикеты. По мнению С. А. Авакьяна, если, например, различные манифестации проводятся внутренне определенным образом спаянной совокупностью людей, то, скорее всего, это будет объединение и его следует считать субъектом конституционно-правового отношения, а саму манифестацию – организационной формой их самовыражения [1, с. 49]. Такой подход допускает возможность постоянного расширения круга социальных общностей (как субъектов конституционно-правовых отношений) на основании наличия определенных признаков, к числу которых можно отнести внутреннюю организацию объединения людей, имеющих предусмотренную конституционным законодательством форму самовыражения. При этом отметим, что такое изменение круга социальных общностей будет объясняться динамикой конституционного законодательства Республики Беларусь.

Конституция в ряде норм прямо признает отдельные социальные общности субъектами конституционно-правовых отношений. К примеру, таковыми признаются социальные группы (ч. 2 ст. 4), народ (ч. 1 ст. 3; ч. 1 ст. 9), национальные и иные общности (ч. 1 ст. 14; ст. 15), молодежь (ч. 6, ч. 7 ст. 32), трудящиеся (ч. 8 ст. 13), женщины (ч. 5 ст. 32) и др. Таким образом, на сегодняшний день к числу субъектов конституционно-правовых отношений, которых можно объединить под термином «социальная общность», относятся социальные группы, слои населения (здесь возможно выделение по различным критериям), семья, местные сообщества, национальные общности, народ, иные общности и др.

В рамках данного исследования под социальной общностью как субъектом конституционно-правовых отношений предлагается понимать определенную, имеющую социальную природу возникновения совокупность лиц, объединяющим началом которой являются такие факторы (признаки), как общность языка, традиций, интересов, культуры, половая, социальная или национальная принадлежность, возраст, вероисповедание и др., которая может выступать реальным участником конституционно-правовых отношений с целью коллективного выражения (защиты) своих интересов, правовой статус которой регламентирован нормами конституционного законодательства, не имеющая при этом статуса юридического лица, а также при соблюдении иных условий, предусмотренных конституционным законодательством.

ООН принят ряд международных документов, определенным образом связанных с различными правами и обязанностями субъектов правоотношений в цифровом пространстве, в частности, Хартия о сохранении цифрового наследия 2003 г., положения которой направлены на сохранение человеческих знаний и различных форм их выражения в цифровой среде. Можно отметить, что Хартией формируется новое конституционное право в рамках национальных государств – право будущих поколений на доступ к цифровому наследию государства. Это важное направление в электронном государстве, которое обязывает уполномоченных субъектов принимать все возможные меры для своевременного обновления информационных устройств и программ, содержащих элементы цифрового наследия.

К этой категории международных документов относится Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г., которая предлагает «применять электронные сообщения в связи с заключением или исполнением договоров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах». Данным документом устанавливается особый порядок реализации для юридических лиц развития свободы предпринимательской деятельности.

Главная проблема заключается в определении характера произошедших изменений в правовом статусе субъектов правовых отношений в сфере построения «электронного государства». Стоит отметить, что сам процесс построения информационного общества и электронного государства «запущен» относительно давно. Так, построение электронного государства в Республике Беларусь берет начало с 2003 г., когда было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002 г. № 1819 «Об утверждении Государственной программы информа-

тизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 года “Электронная Беларусь”». В дальнейшем также был принят ряд нормативных правовых актов, стимулирующих дальнейшее построение электронного государства. В настоящий момент действует Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., утвержденная на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015 г. № 26.

Важно определить, требуется ли разработка нового блока законодательства либо достаточно применить аналогию имеющегося правового регулирования поведения субъектов в сети Интернет. Показательно, что 10 марта 2019 г. в Москве прошел митинг, главной целью которого являлась пропаганда новой общественной кампании «Цифровая оборона», которая ставит задачу вовлечь пользователей информационного пространства в юридически значимые действия для самозащиты своих цифровых прав [2]. Такой митинг явился политической реакцией общества на законопроект «О суверенном Интернете».

Думается, что при решении вопроса о «новом» правовом регулировании правового статуса субъектов конституционно-правовых отношений важно обратить внимание на ряд факторов.

Во-первых, это само содержание и понимание конкретной сферы «электронного государства» (электронная торговля, электронная медицина, электронное образование и др.), уяснение ее специфики, выявление качественных изменений в связи с развитием киберпространства. К примеру, в Республике Беларусь планируется разработка новой концепции местного самоуправления, в которой ведущие эксперты предлагают создавать систему электронного управления на местах с учетом развивающихся IT-технологий. В этой связи уместно создавать различные информационные платформы, которые будут обеспечивать непосредственный доступ населения к достижению консенсуса, ведению «диалога» с органами государственной власти на местах. Отметим, что отдельные элементы в государстве уже функционируют. К примеру, законодательством Республики Беларусь об обращениях граждан предоставлено право обращений в государственные органы, государственные организации, учреждения, к должностным лицам путем подачи электронных обращений. Такой институт в целом необходимо считать прогрессивным, однако в должной мере функцию «диалога, посредничества» он не выполняет.

Во-вторых, это уяснение сущности основных прав и свобод. В этом направлении имеются различные подходы. Так, А. А. Карцхия отмечает, что «цифровая революция формирует новые права в цифровом пространстве Интернета, иных информационно-коммуникационных технологиях, придает новые, порой неожиданные, аспекты реализации основных прав и свобод гражданина» [3, с. 34]. Другая категория ученых придерживается подхода о новых способах реализации имеющихся прав в условиях цифровой эпохи с использованием IT-технологий. К примеру, в 2018 г. в Западной Вирджинии (США) американскими гражданами впервые было реализовано право избирать с помощью блокчейн-платформы. Это позволило гражданам США, находящимся за пределами государства, реализовать свое избирательное право. Относительно данного вопроса В. Д. Зорькин высказывает следующую позицию: «В условиях новой цифровой реальности для государства настала пора конкретизировать фундаментальные права и свободы человека (свобода выражения мнения, включающая свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и др.)» [4].

В-третьих, это определение характера субъектов правоотношений, являются ли они «новыми», не известными до этого в правовой реальности. Например, если вести речь о вновь возникших субъектах правоотношений, то можно говорить, к примеру, о группе лиц, подающих электронную петицию, о блогерах, об операторах киберплатформ и др.

Построение электронного государства порождает новые конституционные принципы в целях достижения устоявшейся в доктрине баланса известной триады – «человек–общество–государство». Поскольку тенденция цифровизации – это тенденция всех государств, то в нормах конституций важно пересмотреть содержание принципа нейтралитета государства, наполнив его новым содержанием – с учетом нейтралитета информационных технологий во внешней политике. Важно обозначить принцип доступности предоставления информации, передачи данных

через глобальную сеть Интернет, принцип гендерного равенства и формирования образов в информационном пространстве.

Активное участие в интернет-пространстве субъектов конституционно-правовых отношений предполагает повышение их правовой и политической ответственности. В этом направлении действия субъектов могут носить как правомерный, так и противоправный характер. В настоящий момент в доктрине конституционного права не сложилось единого мнения относительно признания социальных общностей в качестве субъектов ответственности в конституционно-правовых отношениях. Малоизученность данного вопроса обусловлена тем, что само понимание «социальной общности» является спорным среди конституционалистов. Кроме того, данный субъект конституционно-правовых отношений недостаточным образом формализован и внутренне организован (хотя определенная степень внутренней организации присутствует) для того, чтобы разработать концепцию ответственности социальных общностей.

Что касается конституционной ответственности социальных общностей, то стоит обратить внимание на проблематику вины коллективного субъекта в конституционном праве. Интересным представляется подход Н. А. Бобровой и Т. Д. Зражевской, согласно которому вину в конституционном праве нельзя рассматривать только через категории ее психологических форм (умысел и неосторожность) [5, с. 66]. Авторы предлагают в данном случае на первое место выдвинуть ряд социально-политических критериев, к примеру, коллективные убеждения, интересы и т. д. [5, с. 66]. Считаем, что по причине низкой структурированности и отсутствия внешней формализованности социальной общности как коллективного субъекта такая особенность применима к вопросу о вине социальной общности как субъекта конституционно-правовой ответственности.

В преамбуле Конституции Республики Беларусь содержится формулировка относительно вопроса ответственности народа за настоящее и будущее нашего государства. Однако такого рода ответственность нельзя относить к правовой, поскольку имеется в виду определенный политический аспект ее содержания. Если вести речь о становлении электронного государства и (как одного из его составляющих) развитии института электронной демократии, то последовательно вытекает вывод о политической ответственности народа за настоящее и будущее электронного государства. В данном контексте речь идет о готовности обеспечить реализацию в полной мере прав и свобод граждан с учетом соответствующего уровня развития информационных технологий, о повышении ответственности кандидатов на выборные должности, проводящих предвыборную агитацию в сети Интернет, о качестве информации, размещенной в глобальном информационном пространстве, в том числе и о состоянии окружающей среды («электронная экология» – на данный момент «модное» направление) и др.

Необходимо обратить внимание на то, что особенности конституционной ответственности различных групп и разновидностей социальных общностей имеют определенные отличия. Так, сущность конституционно-правовой ответственности социальных общностей, которые созданы естественным путем, состоит в наступлении неблагоприятных последствий для данной группы субъектов, которые возникли вследствие неисполнения конституционных обязанностей либо нарушения установленных конституционно-правовых запретов. Как правило, такие общности субъектом ответственности не являются, поскольку имеют особый характер (народ, национальные меньшинства, инвалиды, дети, женщины, молодежь и т. д.). В то же время социальные общности, которые созданы искусственным путем (инициативные группы, общности лиц, подающих коллективное обращение), могут выступать одновременно и участником конституционно-правового отношения, и субъектом конституционно-правовой ответственности.

Особенностями конституционно-правовой ответственности социальных общностей как субъектов конституционно-правовых отношений являются следующие:

а) конституционно-правовая ответственность многих социальных общностей основывается на том, что она содержит в себе социальный аспект, исходя из природы такого субъекта и его коллективной формы;

б) конституционно-правовая ответственность многих социальных общностей, как правило, носит позитивный характер. Позитивная юридическая ответственность является смешанной

категорией нравственно-правового характера. Если говорить о позитивной ответственности социальных общностей, то стоит отметить, что она возникает тогда, когда социальная общность имеет важное значение для общества и государства. Такая ответственность установлена, как правило, регулятивными правовыми нормами. Сущность позитивной ответственности социальных общностей состоит в необходимости общности исполнять соответствующие юридические обязанности. Наша позиция обусловлена низкой степенью формализованности правовой регламентированности конституционно-правового статуса социальных общностей как субъектов конституционно-правовых отношений;

в) специфика конституционно-правовой ответственности данных субъектов исходит из сущности социальной общности как единого коллективного субъекта, который представляет собой определенную совокупность его участников. У такого субъекта есть свои внутренние интересы, отдельная степень внутренней организованности, неоднородный состав и т. д. В то же время такой субъект не является юридическим лицом;

г) специфика конституционно-правовой ответственности социальных общностей будет обусловлена тем, что в данном случае могут быть различия между субъектом конституционно-правовой ответственности и субъектом конституционного правоотношения. По существу, речь идет о том, что социальная общность в целом может выступать как субъект ответственности, однако не являться субъектом конституционного правонарушения либо наоборот.

Вместе с тем в современный период все большее значение приобретают различные объединения в сети Интернет. В этой связи происходит переосмысление, а также конкретизация устоявшихся социальных отношений с помощью использования социальных сетей в Интернет-пространстве. Появление такого рода «электронных общественных объединений» обусловлено переходом к новому типу отношений, развивающихся в рамках информационного общества, построения «электронного государства». Новые коллективные субъекты, как правило, формируются с целью решения разовых вопросов, создаются на временный срок и выступают наиболее быстрым, эффективным и доступным способом участия граждан в управлении делами общества и государства.

Электронные общественные объединения являются элементами гражданского общества, которое в свою очередь в современный период не связано границами территориальности в государстве, что обусловлено перемещением ряда его субъектов в сеть Интернет. Вместе с тем в науке конституционного права гражданское общество выступает значимым элементом при построении диалога между обществом и государством, а также в достижении определенного конституционно-правового баланса их интересов. Свою принципиальную позицию о роли гражданского общества в доктрине конституционализма высказывает С. А. Денисов. Так, автор отмечает, что «в его основе лежат идея подчинения государства обществу граждан и направление государства на службу правам и свободам человека и гражданина» [6, с. 12]. Тем не менее свобода и самостоятельность гражданского общества и его институтов не могут быть абсолютными, что установлено рядом конституционно-правовых норм.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции Республики Беларусь «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [7]. Несмотря на то что буквальное толкование данной нормы Основного Закона позволяет применять ее действие в решении вопросов об ограничениях прав личности, считаем, что действие должно распространяться и на коллективные права и свободы индивидов.

В этой связи важно ограничивать и контролировать такие электронные общественные объединения в сети Интернет, которые пропагандируют военные действия, расовую или иные формы дискриминации, призыв к протестам, подрыву государственной власти и др. Такие действия следует рассматривать как необходимые для обеспечения конституционно-правового баланса интересов государства и общества и как не посягающие на коллективные конституционные права и свободы.

В своем исследовании И. М. Япрынец упоминает о гражданских инициативах в конституционной сфере, под которыми автор понимает действия граждан, направленные на их конструктивное участие в управлении делами общества и государства с целью обеспечения общественных интересов. При этом автор отмечает, что такие представители общественности могут быть как постоянно действующими формированиями, так и формируемыми исключительно для реализации определенной инициативы [8, с. 17].

Правовая защита прав объединений в цифровой реальности не урегулирована действующими нормативными правовыми актами. Отметим, что Российская Федерация в данном направлении сделала большой шаг вперед в законодательной регламентации цифровых прав, однако только в гражданской сфере. Так, Федеральным Законом Российской Федерации от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ были внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации путем включения в область законодательного регулирования категории «цифровых прав». Отметим, что в Республике Беларусь, несмотря на принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», схожие нормы до настоящего времени не внесены.

Такого рода «электронные объединения» имеют ряд отличий от «классических» общественных объединений Республики Беларусь.

В частности, важной особенностью является гибкость таких образований, их мгновенная реакция и принятие решения по определенному вопросу в сфере управления обществом или государством. Это обусловлено отсутствием формальных требований к регистрации, разработке уставных документов, минимальными требованиями к структуре и численности объединения и т. д. Положительным примером является эстонский опыт, когда в период избирательной кампании внедрили электронное голосование, что позволило такому субъекту конституционно-правовых отношений с помощью информационных технологий реализовать свое избирательное право. В Исландии таким образом в сети Facebook был подготовлен проект Конституции с учетом более 300 предложений и комментариев, полученных в сети Интернет.

Значимым отличием электронных объединений выступает также возможность организации публичных дискуссий через социальные сети, правовые форумы и другие информационные площадки. Такие дискуссии позволят привлечь внимание общественности к правовым проблемам в общественной и государственной сфере.

Кроме того, электронные объединения носят, как правило, ситуативный характер. Они могут создаваться по собственной инициативе для решения разовой, одномоментной задачи. Такими примерами могут выступать инициативы граждан по подаче электронных петиций, группы пользователей в социальной сети «ВКонтакте» и др. Принятие решения при этом может осуществляться нажатием одной клавиши «Принять», «Участвовать», «За», «Против» и т. д. Дальнейшее существование такого объединения по существу не имеет смысла, в то время как объединения «классической природы образования» носят постоянный характер, создаются в целях длительного решения определенного круга проблем.

Заключение. Построение электронного государства влечет модификацию содержания и правового статуса субъектов конституционно-правовых отношений. Это обусловлено спецификой определенной сферы в электронном государстве, а также происходящих в ней качественных изменений в связи с развитием цифровой реальности. Важное значение имеет новое понимание содержания прав и свобод субъектов правоотношений, реализация которых происходит с использованием информационных технологий. При этом ряд субъектов конституционно-правовых отношений является «новым» для сферы правовой действительности. В эпоху электронного государства на смену устаревшим классическим субъектам конституционно-правовых отношений приходят новые. Таковыми являются электронные общественные объединения, представляющие собой образования (инициативы), не имеющие, как правило, формального оформления (в виде регистрационных уставных документов), носящие ситуативный характер, способные в кратчайшие сроки принимать решения в сфере управления обществом и государством. Зарубежный практический опыт доказывает большой потенциал такого рода объединений, особенно в сфере защиты и реализации конституционных прав и свобод.

Список использованных источников

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. – М. : Юристъ, 2005. – Т. 1. – 719 с.
2. Дарбинян, С. Держать «цифровую оборону» [Электронный ресурс] : [интервью] / С. Дарбинян ; беседовала Л. Саркисян // Новая газ. – 2019. – 9 марта. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/03/09/79811-derzhat-tsfrovuyu-oboronu>. – Дата доступа: 24.07.2020.
3. Карцхия, А. А. Цифровая трансформация и права человека / А. А. Карцхия // Рус. политология. – 2018. – № 4 (9). – С. 33–38.
4. Зорькин, В. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс] / В. Зорькин // Рос. газ. – 2018. – 29 мая (№ 115). – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 20.06.2020.
5. Боброва, Н. А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты / Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская ; науч. ред. В. С. Основин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 154 с.
6. Денисов, С. А. Основные конституционные обязанности государства и их реализация / С. А. Денисов // Конституц. и муницип. право. – 2019. – № 6. – С. 12–19.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2006. – 62 с.
8. Япрынец, И. М. Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И. М. Япрынец. – М., 2018. – 26 с.

References

1. Avak'yan S. A. *Constitutional law of Russia. Vol. 1*. Moscow, Yurist" Publ., 2005. 719 p. (in Russian).
2. Darbinyan S. Maintain "digital defense". *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2019, 9 March. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/03/09/79811-derzhat-tsfrovuyu-oboronu> (accessed 24.07.2020) (in Russian).
3. Kartskhiya A. A. Digital transformation and human rights. *Russkaya politologiya = Russian Political Science*, 2018, no. 4 (9), pp. 33–38 (in Russian).
4. Zor'kin V. D. Law in the digital world: reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum. *Rossiiskaya gazeta* [Russian News], 2018, 29 May, no. 115. Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (accessed 05.02.2020) (in Russian).
5. Bobrova N. A., Zrazhevskaya T. D. *Responsibility in the system of guarantees of constitutional norms. State and legal aspect*. Voronezh, Voronezh University Publishing House, 1985. 154 p. (in Russian).
6. Denisov S. A. The main constitutional obligations of the state and their discharge. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 6, pp. 12–19 (in Russian).
7. *Constitution of the Republic of Belarus 1994: with amendments and additions adopted in republican referendums on November 24, 1996 and October 17, 2004*. Minsk, National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2006. 62 p. (in Russian).
8. Yapryntsev I. M. *Public control in the system of civil initiatives in the Russian Federation: constitutional and legal research*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2018. 26 p. (in Russian).

Информация об авторе

Шахновская Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и государственного управления. Полоцкий государственный университет (ул. Блохина, 29, 211440, Новополоцк, Республика Беларусь). E-mail: irochka15012@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Shakhnovskaya – Ph. D. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Public Administration. Polotsk State University (29 Blokhina Str., Novopolotsk 211440, Belarus). E-mail: irochka15012@yandex.ru